

ПУТЬ К „ПЕСНЕ О БУРЕВЕСТИНИКЕ“

(Два новых факта)

Пятьдесят лет тому назад, в 1906 году, В. И. Ленин написал статью «Перед бурей», в которой указывал, что народы России находятся «накануне великой борьбы». Ильич закончил свою статью словами горьковской «Песни о Буревестнике»: «Пусть сильнее грянет буря» (В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 11, стр. 117). Неоднократное цитирование В. И. Лениным горьковского «Буревестника», слова М. И. Калинина о том, что в этом произведении пролетарский писатель «обобщил настроение» огромных масс народа конца девятых годов — свидетельства исключительного значения знаменитой «Песни...» в истории революции и в творчестве Горького. Для истории молдавской культуры этот факт имеет еще и то немаловажное значение, что «Песня о Буревестнике» своими корнями уходит в легенды и рассказы Горького о молдавском и других народах.

Ключом к пониманию этих произведений служит горьковское отношение к назначению художника в народной жизни, горьковское восхождение силой народа. «Умирает человек, — писал Горький, — народ бессмертен и бессмертен Поэт, чьи песни — трепет сердца его народа». Писатель сам глубоко исследовал жизнь разных народов, в том числе Бессарабии, и настойчиво советовал другим изучать творчество и быт народов, без чего искусство не может развиваться. Лучшие из ранних произведений Горького — и признанный классическим легендарно-фантастический рассказ «Старуха Изергиль», и реалистический очерк «Коновалов» связаны с жизнью,

бытом — трудом и песнями молдавского народа.

Дело не только в том, что, например, в очерке «Коновалов» мы узнали, как в мучительных поисках истины и свободы Коновалов с двумя товарищами отправляется в Кагул — «местечко этакое есть в Бессарабии, около самой границы». Здесь, в Кагуле, Коновалов встретился и подружился с хорошим человеком — Яшкой Мазиным.

Дело, повторяем, не только в этом. Сам А. М. Горький указывал, что его важнейшие идеи, чувства и образы тех лет выразились именно в произведениях, отражающих быт и поэтический мир труда молдаван и других народов, что «первая причина» — «сила давления жизни» заставила его «внести в «бедную» жизнь такие вымыслы, «выдумки», как «Сказка о Соколе и Уже», «Легенда о горящем сердце», «Буревестник»...». А обилие впечатлений привело к «рассказам «реалистического» характера...» (том 24, стр. 473).

Указывая на наиболее знаменитые свои произведения конца 90-х — начала 900-х годов, Горький помогает нам уяснить творческий путь, который прошел он к «Песне о Буревестнике». Как мы видим из перечня произведений, перечня, сделанного самим Горьким, — перед «Буревестником» он ставит «Легенду о горящем сердце», т. е. ту самую легенду, что была рассказана ему старухой

Изергиль. Заметим, кстати, что рассказ «Старуха Изергиль» совмещает в себе легенды о Ларре и Данко с изображением быта молдаван-виноградарей и описанием противоречивой, но исполненной глубокой мудрости жизни старухи Изергиль.

Самоотверженный Данко, «для людей» вырывающий свое сердце — факел, Сокол, прославляющий «счастье битвы», и Буревестник, призывающий бурю, связаны друг с другом и идейно, и тематически. Это совершенно ясно.

Ценно еще и то, что Изергиль, рассказывающая о легендарном Данко, приводит до этой легенды пример реального подвига человека, самоотверженно отдающего свои силы освобождению людей. Она рассказывает о таком человеке: «Все лицо было у него изрублено крест-накрест саблями турок, с которыми он незадолго перед тем воевал за греков. Вот человек!.. Что ему греки, если он полка? А он пошел, бился с ними против их врагов. Изрубили его, у него вытек один глаз от ударов, и два пальца на левой руке были тоже отрублены...». Интернационализм, пронизывающий все творчество Горького, ярко светит и в этом рассказе.

Старуха Изергиль прославляет подобные подвиги борьбы за свободу всех людей. «А когда человек, — говорит она, — любит подвиги, он всегда умеет их сделать и найдет, где это можно. В жизни, знаешь ли ты, всегда есть место подвигам. И те, которые не находят их для себя, — те просто лентяи или трусы, или не понимают

жизнь, потому что, кабы люди понимали жизнь, каждый захотел бы оставить после себя свою тень в ней».

Устремление к жизни, связь с ее социально-бытовыми фактами, стремление отметить общность черт жизни ряда народов проявились и в горьковской этнографической точности, и в его точности описания пути Изергиль по ряду европейских стран, и в указании места, где писатель слышал рассказы старой женщины. «Я слышал эти рассказы, — начинает Горький свое произведение, — под Аккерманом, в Бессарабии...» Изергиль рассказывает о местечке Фальми, «на самом берегу Бырлата» (река — на северо-востоке Румынии), упоминает Лом-Паланку (она находится почти на границе Румынии с Болгарией, неподалеку от Дуная), город Бохню (юго-восток Польши) и т. д.

Чувством восхищения людьми труда окрашены страницы «Старухи Изергиль», описывающие молдаван, их работу, их песни. «Однажды вечером, — пишет Горький, — кончив дневной сбор винограда, партия молдаван, с которой я работал, ушла на берег моря... Они шли, пели и смеялись; мужчины — бронзовые, с пышными, черными усами и густыми кудрями до плеч, в коротких куртках и широких шароварах; женщины и девушки — веселые, гибкие, с темносиними глазами, тоже бронзовые... Они уходили все дальше от нас, а ночь и фантазия одевали их все прекраснее». Именно такой восхищенный взгляд на тружеников дал возможность Горькому органически переплести быт с фантазией в единое — в прекрасный рассказ о старухе Изергиль.

К легенде о Данко — неотделимой части этого рассказа — пока не найден молдавский фоль-

клорный первоисточник. Для молдавских фольклористов здесь благодатная почва деятельности: легенды, народные рассказы, предания и песни Молдавии собраны далеко не полностью. Но у нас имеется один народно-поэтический источник, убедительно свидетельствующий о том, что образ, подобный горьковскому Данко, был распространен в народных сказаниях юга России. В «Сказании о нарте Ашамезе» (кабардинский эпос «Нарты») рассказывается о том, как на пути к потерянной свирели Ашамеза (от которой зависит плодородие земли и людское счастье), легендарный народ — нартты попадают в гигантскую темную пещеру. «Солнца там нету, нету про света, не за что нартам там уцепиться. С тропки собеешься — уж не вернешься! Путь семидневный, мрак беспросветный...». И вот тогда выступает вперед прекрасный и отважный юноша Батараз:

«Грудь свою витязь
Мощной рукою
Вдруг рассекает
И вынимает
Жаркое сердце.
Сердце сверкает
Светочем ярким.
Поднял он сердце
Над головою,
С темью сражаясь.
Путь семидневный
Нартами пройден».

(Нарты. Кабардинский эпос, ГИХЛ, 1951 г., стр. 254—255).

Если вспомнить, что известная из греческой мифологии легенда о прикованном Прометее имеет поразительное сходство основным своим образом и своей идеей с недавно найденными адыгейской, черкесской и кабардинской легендой о прикованном Насрене, с грузинской и осетинской легендой о при-

кованном Амиране и армянской легендой — о прикованном Шидаре, — тогда станет тем более вероятной возможность найти в молдавском или румынском народном творчестве легенду, подобную легенде о юноше Данко.

Сам Горький придавал значение не только рассказу «Старуха Изергиль», но и таким своим стихотворным произведениям, как «Легенда о Марко» и «Девушка и смерть», имевшим в первых публикациях подзаголовки «Валахская сказка» и «Румынская легенда» (это было отмечено впервые Н. Пиксановым в его книге «Горький и национальные литературы», М., 1946, стр. 17). Вошедшая как «Румынская легенда» в сборник М. Горького «Ералаш» (1917 г.), «Девушка и смерть» была включена писателем в собрание сочинений издания «Книга» с подзаголовком «Сказка». Это изменение подзаголовка объясняется, возможно, очень основательной переработкой какой-то слышанной писателем легенды. Как бы то ни было, в известной поэме-сказке «Девушка и смерть» невозможно найти какого-либо национального румынского колорита. Зато особый интерес представляет для молдавской культуры «Легенда о Марко» и творческая история этого стихотворения.

«Хотя «Легенда о Марко» не включалась Горьким в его собрания сочинений (впервые вошла в тридцатитомное собрание), это произведение было напечатано М. Горьким в 1906 году в отдельной книге, имевшей знаменательное название: «Песня о Соколе».

*) Кроме того, Горький «разрешил композитору А. Спендиарову положить» легенду на музыку. См. собр. соч. Горького, т. 5, стр. 487.

Песня о Буревестнике. Легенда о Марко»). Так мы встречаемся с еще одним случаем, указывающим на то, что Горький сам связывал своего знаменитого «Буревестника» с произведением, истоки которого находятся в Молдавии. Разумеется, печатая «Легенду о Марко» в год первой русской революции и ставя это стихотворение в заключение революционного поэтического цикла, Горький тем самым придавал легенде особенное радикальное значение. «Легенда о Марко» воспевае сильную, простую и ясную душу влюбленного в фею рыбака, который погиб, но песня о нем осталась. Марко противопоставляется пошлым, ограниченным мещанам. Обращением к ним заканчивается стихотворение:

«А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут:
Ни сказок о вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют!»

Объективно, в ряду литературных и публицистических произведений тех лет (1905—1907) эти строки горьковского вызова мещанству перекликаются с гневными разоблачениями В. И. Лениным «трусливо кивающих» либералов и «ограниченных мещан».

«Легенду о Марко» в 1917 году перевел на молдавский язык Ал. Матеевич — известный переводчик и пропагандист русской классической поэзии. Перевод вошел в его, изданную в 1937 году в Кишиневе, книжку «Poezii» (traducere). Так «Легенда о Марко» вошла в историю румынско-молдавского переводческого искусства.

Но «Легенда о Марко» связана с еще одним произведением Горького — «Валахской сказкой о маленькой фее и молодом чабане», представляющей, как мы убедимся ниже, одной своей картинкой пер-